

УДК 94:2

Д.А. КУЛИКОВА

(kulikovadiana183@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

**ИНСТИТУТЫ И ДИСКУРСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ИНОВЕРЦА»
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(XIX – начало XX в.)***

На основе анализа правовых актов, официальной церковной позиции, мемуаристики и художественной литературы рассматривается процесс конструирования образа религиозного «другого» в Российской империи XIX – начала XX в.

Автор выделяет ключевые институты (государство, церковь, научные общества) и репрезентативные практики (этнографические описания, визуальная культура, литература), которые формировали иерархию конфессий и закрепляли стереотипы о «иноверцах» в массовом сознании.

Ключевые слова: Российская империя, иноверец, конструирование образа, правовой статус, этнографическое описание, визуальный образ.

Феномен иноверчества в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. представлял собой сложный и охватывающий множество аспектов процесс, привлекавший внимание как государственных структур, так и общественного сознания. Для понимания особенностей складывания образа «религиозного другого» необходимо проанализировать правовые рамки, регулировавшие статус представителей не доминирующих вероисповеданий, а также рассмотреть деятельность институтов, через которые этот образ транслировался в культуру.

Основой формирования образа иноверца служила система правовых категорий. Ключевым документом, установившим статус народов на восточных окраинах, стал Устав об управлении инородцами 1822 г., включенный в Полное собрание законов Российской империи [11]. Новая регламентация делила население, не принадлежавшее к русской культурной среде, на три категории: «бродячие», «кочевые» и «оседлые» инородцы [Там же, с. 395]. Как отмечает В.В. Трепавлов, понятие «инородец» имело глубокие исторические корни и отражало представления о подданстве народов, которые не были ни русскими, ни православными. Исследователь выявляет, что на протяжении столетий сформировалась уникальная система взаимосвязей, где верность монарху сочеталась с сохранением традиционного уклада и верований [14, с. 10–11].

Систему правового регулирования религиозной жизни наиболее обобщенно закрепил Свод законов 1832 г., изданный по указу Николая I [12]. В этом сборнике фиксировалась иерархия конфессий: православие определялось как «господствующая и главенствующая» вера, тогда как остальные веры признавались «терпимыми» [Там же, с. 28–30]. Законодательство различало «инославные» христианские течения (католицизм, протестантство) и «иноверные» не христианские религии (ислам, иудаизм, язычество). Такое положение имело серьезные правовые последствия, поскольку обращение из христианства в нехристианскую веру до 1905 г. было категорически запрещено.

Движение в сторону укрепления законодательной базы руководства конфессиональными вопросами выделяется также в Полном собрании законов Российской империи, отражающем правовую практику XVIII – начала XIX в. [10]. Документы сборника показывают поэтапное становление организации государственного контроля над вопросами религии, в том числе формирование специализированных учреждений и разработку механизмов регуляции взаимоотношений между конфессиями.

Значительным дополнением к правовым источникам являются статистические материалы. «Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям», которое разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. [13], помогает количественно исследовать масштабы конфессионального многообразия России. Согласно этим данным, православные составляли около 70 % граждан империи, мусульмане –

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

свыше 11%, католики – более 9%, иудеи – около 4%. Полученные цифры наглядно подтверждают высокий уровень религиозного разнообразия в империи, что делало управление конфессиональным разнообразием одной из важнейших задач имперской администрации.

В исследовании Г.Н. Кочешкова «Этнорелигиозный фактор и его проявления в русской провинции в конце XIX – начале XX в.» на материалах Ярославской губернии анализируется, как правовые нормы и официальная идеология транслировались в повседневной жизни провинциальных городов. Автор отмечает, что даже в губерниях с преобладающим православным населением присутствие иноверцев (прежде всего евреев, мусульман, католиков) создавало напряжение, которое разрешалось в рамках присутствующего правового поля, но нередко входило за его пределы, порождая бытовую ксенофобию [4, с. 5–7].

Центральное место занимала позиция Русской православной церкви, закреплённая в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» [8]. В словаре подчеркивалось, что «господствующая церковь не позволяет себе ни малейших принудительных средств при обращении иноверных в Православие», однако при этом фиксировалось, что переход из православия в другую веру рассматривается как тяжкое преступление – «отпадение» [Там же, с. 12]. Также подробно описывается правовое положение католиков, протестантов, мусульман, иудеев, буддистов, определяя границы дозволенного для каждой конфессии [Там же, с. 13].

Как показывают Е.В. Никольский и Д. Вальчак в русской культурной традиции существовали устойчивые образы, на которые мог проецироваться «религиозный другой». Мотив Антихриста, активно разрабатывавшийся в религиозной публицистике и литературе, создавал эсхатологический фон для восприятия иноверцев, особенно в периоды общественных кризисов [7, с. 4–5]. По мнению авторов, этот мифологический образ мог наделяться конкретными этноконфессиональными характеристиками, отсылая к представлениям о «латинской ереси», «жидовском заговоре» или «магометанской угрозе» [Там же, с. 5].

Далее следует выделить проблему границ между конфессиями и последствий их пересечения. Как отмечает В.В. Трепавлов, на протяжении всей имперской истории существовало напряжение между стремлением к унификации (в том числе религиозной) и необходимостью сохранять лояльность нерусских народов через уважение к их традициям [14, с. 6–8]. Это напряжение находило отражение в законодательстве, которое, с одной стороны, провозглашало веротерпимость, а с другой – устанавливало жесткие границы, за которыми начиналось «совращение» и «отпадение» [8, с. 110].

Г.Н. Кочешков также затрагивает вопрос о том, как теоретические представления об иноверцах соотносились с повседневными практиками. В Ярославской губернии, где количество иноверцев было невелико, образ «религиозного другого» формировался в основном под влиянием слухов, газетных публикаций и литературных произведений, а не непосредственного опыта взаимодействия с ними [4, с. 3–4]. Это приводило к тому, что иноверец воспринимался больше, как абстрактная угроза, нежели реальный сосед, что делало его образ более стереотипным и уязвимым для негативных интерпретаций [Там же, с. 7].

Образ иноверца складывался не только на базе правовых норм, но опирался на работу специализированных учреждений, которые занимались сбором и распространением сведений о нерусских и иноверческих народах, а также на визуальные и литературные формы, закреплявшие стереотипы.

Значительный вклад в создание «картины иноверца» вносили путешественники и военные, оставлявшие мемуары и путевые заметки. Воспоминания художника В.В. Верещагина «На войне в Азии и Европе» представляют собой важный источник, отражающий взгляд на иноверцев человека, непосредственно соприкасавшемся с восточными культурами [1, с. 4–5]. Посетивший Среднюю Азию и участвующий в боевых действиях, В.В. Верещагин фиксировал не только внешние черты быта, но и те аспекты, которые складывали представление о «восточном иноверце» в восприятии русского общества. В его записях сочетаются восхищение экзотикой и суровая фиксация военных реалий, формируя сложный двойственный образ. Особое внимание он уделял религиозным обрядам мусульман, их отношению к русским, особенностям быта [Там же, с. 6–7].

Схожую функцию выполняли путевые очерки Н.С. Лыкошина «Хороший тон на Востоке», написанные к полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края [6]. Н.С. Лыкошин подробно описывал бытовые особенности, нравственные установки и религиозные обряды населения

Средней Азии, уделяя особое внимание тем элементам, которые, по его мнению, свидетельствовали о степени «цивилизованности» местного населения. Автор стремился не просто описать, но и систематизировать сведения о «восточном иноверце», выступая своеобразным «гидом» по поведению и отношению к местному населению [6, с. 23, 27–28].

Также важным в формировании образа «иноверца» является официальная идеология о власти и подданстве. В работе В.В. Трепавлова показано, как на протяжении веков складывалась система, а которой иноверческие народы воспринимались как подданные, обязанные верностью «белому царю», но сохранявшие при этом свои обычаи и веру. По мнению автора, такая модель формирования отношений создавала определённые рамки для восприятия иноверца: он был «своим» в политическом смысле, но «чужим» в культурно-религиозном [14, с. 5–6, 41–43].

Помимо научных и официальных описаний, важную роль в формировании и распространении образа иноверца сыграла визуальная культура и художественная литература. Именно эти каналы обеспечивали проникновение стереотипов в широкие слои общества, формируя массовые представления о «религиозном другом».

Классическая русская литература сформировала целую галерею образов – от романтизированных горцев-мусульман до демонизированных иудеев. А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» [9, с. 6–7] и М.Ю. Лермонтов в «Герое нашего времени» [5, с. 7–8] создали двойственный образ горца-мусульманина, совмещая восхищение его независимостью с пренебрежительно-снисходительным отношением. Н.В. Гоголь в «Тарасе Бульбе» [2, с. 19] противопоставил православных казаков иноверцам-католикам и иудеям, представив последних как корыстных и враждебных врагов православной веры. Наиболее глубокую попытку изобразить иноверца «изнутри» предпринял Л.Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» [3, с. 4–5, 34], изобразив чеченского военачальника не как абстрактного «горца», а как конкретного, осязаемого человека с трагичной судьбой.

В исследовании Г.Н. Кочешкова отмечено, что в общественном сознании русской провинции конца XIX – начала XX в. существовали устойчивые негативные представления об иноверцах (например, о евреях, как о «хищниках» и «алчных» людях). Сам автор, ссылаясь на публицистику К.Д. Кавелина, показывает, что подобные стереотипы активно тиражировались в печатных источниках того времени – в газетах, журналах, публицистических очерках, где обывателю предлагались готовые образы «инородца» или «иноверца» без необходимости быть лично с ним знакомым [4, с. 3].

Особое значение в визуальной трактовке образа иноверца имела живопись, в частности упомянутый ранее В.В. Верещагин. В его воспоминаниях неоднократно описываются сюжеты, связанные с изображением «восточного человека» [1, с. 30–31, 60–61, 75–76]. Создавая масштабные полотна о войнах в Туркестане и на Балканах, художник фиксировал не только боевые эпизоды, но и бытовые детали, портреты, религиозные обряды. Его произведения складывали у зрителя сложный, многогранный образ «восточного иноверца», где сочетались экзотическая привлекательность и жестокость, красота восточного колорита и «дикость» нравов. Как отмечает сам В.В. Верещагин, его цель – передать не только внешние признаки, но и внутреннее состояние личности, что, однако, неизбежно порождало субъективные трактовки и укрепляло определенные стереотипы [Там же, с. 91–92].

Официальный образ иноверца складывался не без участия Православной церкви, чья позиция может быть рассмотрена в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» [8, с. 12]. В нем детально излагались различные вероисповедания, при этом их описание строилось на сопоставлении с православием. Особое внимание уделялось тем аспектам вероучения и обрядовой практики, где выявлялись отклонения от «истинной веры» [Там же, с. 12–13]. В словаре также закреплена иерархия религиозных течений, где православие занимало безусловно доминирующее положение. Католики описывались как «отпавшие» от истинной церкви, протестанты – как «уклонившиеся» в ересь, мусульмане – как последователи «лжепророка», иудеи – как «распявшие Христа», а язычники – как «поклоняющиеся твари вместо Творца» [Там же, с. 12–14].

Анализ нормативно-правовых документов, деятельности научных институтов и репрезентативных практик свидетельствует о сложной природе формирования образа иноверца в Российской империи. Правовые классификации, зафиксированные в Уставе об управлении инородцами 1822 г. и Своде законов 1832 г.,

закрепляли иерархию конфессий. Статистические материалы переписи 1897 г. обеспечили количественное измерение присутствия иноверцев. Официальная позиция церкви, отражённая в энциклопедическом словаре, определила систему координат, в рамках которой иноверец воспринимался как носитель «ложной» и «порочной» веры. В свою очередь мемуары и путевые очерки формировали эмоциональное отношение к «восточному иноверцу». Наиболее мощным инструментом распространения стереотипов среди широких общественных слоев стала художественная литература, создавшая целую галерею образов. В совокупности эти элементы формировали институциональную и дискурсивную базу, лежавшую в основе дальнейшего создания образа иноверца в публицистике, живописи и повседневных практиках.

Литература

1. Верещагин В.В. (1842–1904). На войне в Азии и Европе: Воспоминания худож. В.В. Верещагина. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. VI.
2. Гоголь Н.В. (1809–1852). Тарас Бульба: повесть / с рис. М. Зичи, Р. Штейна, А. Котляревского [и др.]. СПб.: А.Ф. Маркс, ценз. 1893.
3. Каппелер, Андреас. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонная. М.: Прогресс-Традиция, Традиция, 2000.
4. Кочешков Г.Н. Этнорелигиозный фактор и его проявления в русской провинции в конце XIX начале XX в. (по материалам Ярославской губернии) // Социально-политические исследования. 2024. № 2(23). С. 73–85.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / ил. Шмаринова, авт. предисл. С. Дурылин. М., Л.: Детгиз, 1948.
6. Лыкошин Н.С. «Хороший тон» на Востоке: к полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. Петроград: тип. Б.Д. Брукера, 1915.
7. Никольский Е.В., Вальчак Д. Конкретный человек или отвлеченная сила: мотив Антихриста в русской культуре // Libri Magistri. 2019. № 4(10). С. 11–42.
8. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1913. (Репринт: М.: Концерн «Возрождение», 1992).
9. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года: [Путевые записки] / Пушкин; под ред. и с примеч. проф. М.Л. Гофмана и со вступ. статьей Сергея Лифаря. 2-е изд. Париж: Лифарь, 1935.
10. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. 1767–1769: [№ 12812–13400]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851.
11. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. 1822–1823: [№ 28858–29724]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851.
12. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов гражданских и межевых, 1832.
13. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат / Ил. Е. Лансере. М.: Современник, 1977.
14. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная лит. РАН, 2007.

DIANA KULIKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

INSTITUTES AND DISCOURSES OF DEVELOPMENT OF THE IMAGE OF “PEOPLE OF DIFFERENT FAITHS” IN THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – the beginning of the XXth centuries)

On the analysis of legal acts, official church position, memoiristics and fictional literature, the designing of the image of religious “other” in the Russian empire of the XIXth – the beginning of the XXth centuries is considered. The author reveals the fundamental institutes (state, church and scientific societies) and the representative practices (ethnographic description, visual culture and literature) that formed the hierarchy of confessions and strengthened the stereotypes about the adherents of different faiths in public mind.

Keywords: *the Russian Empire, people of different faiths, image designing, legal status, ethnographic description, visual image.*